

к 1252918

ЕКЛАМНАЯ

БИБЛИОТЕЧКА

ОЭЗИИ

Александр Романов

Александр
РОМАНОВ

ГУДЯТ КОЛОКОЛА

"РБП", Москва, 1994

РУССКИЙ ЯЗЫК

Русский язык! Звонких житниц запас
Собран Владимиром Далем для нас.
Только к его Словарию прикоснусь,
В душу повеет могучая Русь.
Буквы заглавные - что терема.
Говор живой - что держава сама.
Словно в зарницы,

в страницы взглядишь -
Даль развернется, откроется высь.
В гнездах, что пчелы,
взроятся слова.

Соты медовы. В них мудрость жива.
В пашнях страниц
всколыхнется страда.
Каждому слову - своя борозда.
Слово за словом -

и слышится речь:
Родину надо крепить и беречь!
Голос за голосом - слышен народ:
Русь не согнется, вовек не умрет!
...В смутах ли страшных,
в нужде ли какой
Эту великую книгу открой...

КОЛОКОЛА

Звон вечеровой, извечный
Замкнули на замки
И ложью, как увечьем,
Связали языки.
Но время шло... Расторглась
И расточилась мгла.
Слышь - будто правды
возглас -

Гудят колокола!
В сознание нашем тусклом,
Как вихри в тупике,
Поют на древнерусском,
Забытом языке.
В порыве удивленья
Кипят у стен седых
Людские поколенья,
Не слышавшие их.
Ах, день какой горший!
Как Вологда светла!
Над ней гудящей роцей
Растут колокола.
Здесь Батюшков и Яшин,
Здесь Клюев и Рубцов.

Взгляд каждого - бесстрашен,
Путь каждого - свинцов.
К собору вместе с нами
Из разных лет сошлись.
Кремлевскими часами
Их не исчислить жизнь.
А звон все наплывает,
Гуляет в небе звон.
И каждый звук пылает
Протяжностью времен.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Памяти брата Павла

Чем реже встречи -
тем заветней,
Но мы не думаем о том,
Какая выпадет последней
Пред тем, как грянет
скорбный гром...
И в тот приезд, как встарь
при встречах,
Мы разожгли и спор, и суд
О дьявольских противоречьях,
Что к бедам родину ведут.
Уже предчувствием бедуя,
Мы не тревожили вино,
А растревожили раздумья,
И оба были заодно.
И от гостиницы "Россия"
На холм Кремлевский
поднялись,
Чтоб опажнула свежей силой
Нас историческая высь.
Но Кремль тонул в ночной
лучине,
Изреяв красный флаг дотла.
В стене враги Руси почили,
А в небе тлели купола.
О, горький вид! Где наша
гордость?
Она опять уязвлена!
И площадь Красная,
нагорбясь,
Захолодела истемна.
Но мы в тепле и силе
братства
Прошли по ней, не торопясь.
Вот и метро. Пора расстаться.

Осатаневший человек.
И он растерянно и немо,
Перепустив моторный гул,
Во всепрощающее небо,
Как в купол вечности,
взглянул.

И брызнул свет над всей
околоу,
И человек, в грехах скорбя,
Крест сотворил щепотью
грубой
И утрастился сам себя.

РОССИИ

"Не тоскуй! - шепчут ей
душегубы.
Мы дадим тебе
умную власть..." -
И пылают Иудины губы,
Чтоб к щеке изможденной
припасть.

"Не тоскуй!" - ей внушают,
как будто
Можно снова обманы внушить
И развеять тяжелую смуту
Обездоленной русской души.
"Не тоскуй!" - пишут пальцем,
дурачась,

На автобусном потном окне.
И страшны эти наклейки
бодрячеств
На обратной от них стороне.
Суетятся, тебя провожая,
Мельтешат у глухого окна...

Вот и стала для них
ты чужая,
Потому что ты стала
бедна

А они - глянь - они
деловиты.

Выбирают иные пути...
Что ж, простишь им
и эти обиды,
Лишь бы волю себе обрести.
Стало в тягость
свое простодушье.

Непосильна уже доброта...
Ох, как долго была ты послушна,
Вот она, роковая черта!
И слова расставания скупы!

Воздух истин грозою разъят,
Но тверды от решимости губы
И бесстрашен
пред будущим взгляд!

* * *

Александр Хазову

Жизнь извелась
на родине моей.
Одни надежды остаются стары.
Березы у заброшенных полей
Кипят, как золотые самовары.
Прилягу на душистый бережок,
На солнцепек,
на ветерок прилягу.
Всю жизнь в дороге,
а никто не мог
Во мне признать
страдальца и бродягу.
Никто не видел
обжигавших слез.
Я лишь поклоню
оставляя на память.
И боль свою
от родины унес,
Чтоб ей своих печалей
не прибавить.
А в смертный час,
наверно, оглянусь
У дней минувших
человечьи лица.
Глаза, глаза...
И в них страдает Русь
Нам надо жить!
Нам некого страшиться!

СТАРШИЙ СЫН

Уходит сын из дома.
Из вздоха моего.
Судьбой уже изломан
И дорог оттого.
Уж так он сердцу дорог,
Что мне неумоготу.
Вон вышел на пригорок,
За первую версту.
Ему меня не видно:
Он смотрит лишь вперед.

Но груз, на нем навитый,
И мне заплечье трет.
Вон встал на край дороги
С тоской наедине,
И облик одинокий
Обуглился во мне.
Вон сел в автобус нервно,
Забыв, что было жаль.
Он мчится с новой верой
В обманчивую даль.
И взгляд мой неусыпно
Летит поверх всего
Не вслед за милым сыном,
А впереди его.

ДОМ

В родной избе,
 под теплым боком печи
Мне спится так,
 как не спалось давно.
Уму раздольней здесь
 и сердцу легче,
И дождиком завешено окно.
Но мир не скрыт
 за скудными лесами,
Но мир безумный -
 он, чужой, и здесь.
Орет с простенка злыми
 голосами,
Плетет обман и набивает спесь.
И что в нас за доверчивость такая?
Ведь столько претерпели
 мы в судьбе,
А этим вражьем толкам
 потакая,
Вновь забываем о самих себе...
Как бесий хвост,
 как свищ змееподобный,
Шнур из розетки вырву
 и вздохну:
Вот, наконец, я
 человек свободный -
Не в телео, не в радиоплену!
И счастлив тем,
 что на разломе страшном
Есть у меня в тылу -
 в краю родном
Не особняк, не крепость и не башня,
А златостенный деревенский дом.

* * *

Брату Леве

Заря над лесом, и заря в печи.
И мать в мерцанье зорь...
 Вот радость утра!
И в ум нейдет
 и в сердце не стучит,
Что эта радость, боже мой,
 минутна.
Лишь в суете забудься, закрутись -
Так поминутно промелькнет
 и жизнь.
Спохватишься тепло ее сберечь,
Да где там!..
 И затужишь поневоле:
Сгорели зори. Протопилась печь.
И мать ушла.
 И не увидишь боле.

* * *

Шум леса плывет...
 Ты послушай.
Забудь о корзине. Постой.
Свою оскудевшую душу
Наполни сперва высотой.
Шум леса плывет
 величаво.
Охватно. Тревожно. Светло.
Ты вспомнишь,
 что было вначале,
Что было с тобой
 и прошло.
Шум леса все ветреной,
 ближе,
Накатит, нахлынет,
 как вихрь,
И свежестью души
 пронижет,
И в думах взметнется твоих!..
Шум леса все дале,
 протяжней,
Все глуше печальная дрожь.
И ты с непонятною жаждой
С ладони бруснику
 сглотнешь.
И в трепете солнечных
 пятен
Смутится насмешливый ум...

Лишь сердцу разумному
внятен
Шум леса.
Пророческий шум!

РОМАШКА

В октябре, на глине тяжелой,
В час, когда я изнемог,
Круглолицая ромашка
Осветила бугорок.
Словно мне кивнула:
"Здрасте!",
Белозубо рассмеясь.
Не заляпало ненастье,
Не пристала к девке грязь.
Вея молодостью нашей,
Перед вьюгой не дрожа,
Знай красуется бесстрашно
Ослепительно свежа.

* * *

Асе

Услышь: опадает малина,
Заметь: заслезилась овсы
И гасит вдали луговина
Серебрян:й посвист косы.
Все выше леса над полями.
Они, совершая свой труд,
В недвижности, видимой нами,
По вечному кругу бредут.
Коснись: холодеет на плесе,
Взгляни, на осине багрец,
А на белоствольной березе
Прибавилось черных колец...
Но ты не нахмуривай взгляда:
Живые - мы в мире живом.
И все, что для радости надо,
С тобою друг в друге найдем.

* * *

Я без тебя одинок,
Ты без меня одинока.
Глупые! Нам невдомек
Краткость житейского срока.

Выветрим ссоры свои,
Жарко обнимем друг друга...
Тянется колос любви
Лишь из семейного круга.

ОЛИМП

Бреду по снежному жнивью.
Хрустят шаги, визжит батог,
Лицо пылает... Я живу!
Я немочь слова превозмог!
Слова вышептываю вслух.
Они все емче, все смелей.
В них оживает добрый дух
От солнца, леса и полей.
Вот и Олимп - Большой Бугор,
Что от деревни вполверсте.
Он елки в тучах распростер,
Чтоб овершинились острей.
Здесь призадумается всяк:
Все на виду, все на слуху,
И горькой Родины сквозняк
Со слов сметает шелуху.

ЛЕСТНИЦА

Уходит жизнь, но лестница
В сенях избы родной,
Как и при деде, светится
Начальной белизной.
Перилами степенными
Заводит хоровод,
Широкими ступенями
К подошвам так и льнет.
Так сделана, чтоб радости
Все вверх да вверх неслись.
Где радости? Лишь тягости
Брели все вниз да вниз...
Перила вьются вешками.
На них облокотясь,
Я, расставаясь, мешкаю
В последний, может, раз.
Уходит жизнь... Но лестница,
Как встарь, возносит вход.
Все крепится, все светится
И все кого-то ждет.

* * *

Нет, не был гостем
я в родном краю.
Там для меня не резали барана.
А если пил,
то водку пил свою,
Закупленную в Вологде заранее.
И попал в объятья мужиков.
Раз ты писатель,
значит, ты с деньгами.
С тебя и спрос. Обычай уж таков.
И забывались мы
в веселом game.
Не стыдно было бедных матерей,
Не жаль избенок,
рубленных не нами...
От водки не становятся умней,
А лишь кичатся
слабыми умами.
Минувших дней уже развеян прах.
О чем тужить?..
На родине я снова!
Она - во мне.
И я - в ее ветрах,
Как грустный выдох
полюшка ржаного.

Александр

Александр Александрович Романов родом из деревни Петряево Сокольского района Вологодской области. Из 1930 года - страшного года для всего мастеровитого крестьянства, значит, и для середняцкой семьи Романовых...

Еще в юности, в Вологодском пединституте, Александр Романов сблизился с поэтами-земляками - Сергеем Викуловым, Сергеем Орловым и Александром Яшиным. Затем учился в Москве на Высших литературных курсах в семинаре Ярослава Смелякова и Михаила Луконина.

Много лет был ответственным секретарем Вологодской писательской организации. Близкое общение с Василием Беловым, Николаем Рубцовым, Виктором Коротаевым, Ольгой Фокиной очень высоко поднимало творческую задачу каждого члена удивительной, самобытной организации.

В Москве и на родине, на Севере, Александром Романовым издано двадцать две книги стихов, поэм и прозы. Однотомник "Избранное" вышел в столичном издательстве "Современник" в 1990 году.

Данная подборка выходит в авторской редакции.

книгоиздания России"

сс

2001

20.04.08 14344/15
6.09.17 в.сс/15

Редактор — Д. А. Уша
гор — И. Е. Данилина.

154. Тип. "Момент".